

Когда к его душе подкрадывалась ностальгия, Николай Александрович почему-то всегда вспоминал о хлебе. Наверное, о чем угодно пересыхает память, но только не о хлебе.

Ему недавно исполнилось восемьдесят. Его здоровье с каждым вздохом, с каждым днем не сказать, чтобы чадило, а нет-нет в области сердца вдруг болячка и зашевелится. И он уговорил-таки сына свозить его повидаться, а, может, не дай Бог, и по прощаться с родным селом, в которое после похорон матери, а потом и отца более двадцати лет не наведывался.

— И что же ты ехал тут смотреть за пятьсот верст, пап? — не скрывал своего раздражения Матвей Николаевич.

Их встретила какая-то сонная глушь. Если бы появился в любой момент перед взором сына медведь или Баба Яга на метле, пятидесятилетний столичный ученый-филолог не удивился бы.

Отец промолчал.

Он с прищуром смотрел на погост.

Церковь будто вросла в землю, а на крыше одного из двух престолов росла береза, она кокетливо подставляла свои ветви-косы шаловливому ветерку. Вход в церковь охраняли полуоткрытые и рыжие от ржавчины, еще напоминающие о своей мощи, ворота, за ними долгое время хранилось святая святых крестьян — зерно. После за-

крытия церкви и образования в селе колхоза «Честный пахарь» бывший храм превратили в зерносклад. Вроде бы не поддавалась натиску времени колокольня. Шпилем без креста, который стащили с нее конными вожжами комсомольцы, когда Николай Александрович только появился на белый свет, она, казалось, устремлялась ввысь и расчесывала низко плывущие облака. С нее в тридцатые годы скинули и колокола, теперь из ее пустых глазниц излучались тоска и укор.

Кладбище издалека казалось заросшим густым кустарником, виднелись высоченные деревья, с верхушек которых вездесущие сороки громким стрекотом распугивали тишину.

— Господи, и это было когда-то большим погостом,— тихо произнес Николай Александрович, словно простонал.

— Ты что-то сказал, пап? — спросил его сын, который думал только об одном: как бы быстрее отсюда уехать обратно в столицу.

Немного помедлив, отец, продолжая смотреть то на церковь, то на кладбище, поинтересовался:

— А ты, Матвей, знаешь, что раньше называлось у русских людей погостом?

Тот удивился:

— Нашел о чем спрашивать?

— Это не ответ ученого-филолога...

У сына продолжало пениться недовольство от того, что отец заставил его свой выходной день портить, ехать за пять сотен километров, завез неизвестно куда и зачем. Так сложилось, что он в родном селе отца был мальчишкой, когда еще в школу не ходил. Решил все же ответить:

— Последнее пристанище людей, если тебе угодно...

— Верно, только частично...

— Не понял?! — уставился сын на отца.

Тот спокойно просвещал Матвея Николаевича:

— Погостом начали называть отдельно стоявшую церковь с кладбищем только в восемнадцатом веке. А намного раньше так обозначали центр сельской общины, потом крупное селение с церковью и кладбищем. И наше село когда-то более трехсот крестьянских дворов насчитывало. А теперь вот... — последние слова он произнес с заметной дрожью в голосе.

О том, что тут был населенный пункт, напоминали одичалые и одинокие яблони и груши, заросли крапивы и репейника там, где, как помнил Николай Александрович, раньше стояли дома, цветли сады, распахивались огороды.

И в этот миг он неожиданно вспомнил слова отца. А услышал их в конце семидесятых годов. Он только что защитил диссертацию, стал кандидатом сельскохозяйственных наук и приехал разделить эту радость-победу со своими родителями. Но, когда новоиспеченный ученый, обещавший отцу горы свернуть в почтоведении, уезжал из родного села, тот попросил его:

— Ты уж поднатужься, поторопись, сынок, на своих горах-то ученых, сделай что-либо для нашего села, а то жизнь сметет нас, стариков, вот с этой земельки, как засохшие крошки хлеба со стола...

«Крошки хлеба... Крошки хлеба... — защемило в его душе.— А ведь и это когда-то было...»

Память воскресила то утро, когда ему пришло покинуть родной дом.

...Он даже не догадывался, что его мать всю ночь ни на миг глаза не сомкнула.

Дрема к ней подкрадывалась, куда же от нее, ласковой, увернешься, да только не ту

она обижала. Если бы Екатерина Николаевна ей поддалась, во сне утонула, когда бы успела сыночка в путь-дорожку собрать? То-то.

А так носочки, что поновее, в небольшом чемодане бережно пригладила, другие же заштопала — от новых не отличишь, их Коля пусть и наденет. Не на босу же ногу в белых парусиновых туфлях ему аж до самой Москвы добираться. До каждого рубчика просмотрела две рубашки. Ну и пусть, что не новые. Где ж их новые-то взять?

Но больше всего ее беспокоило то, как семнадцатилетний сын, кости и кожа, к тому же и росточком не вышел, на голодный желудок до далекой столицы доедет? В их же семье из съестных запасов — хоть шаром покати. По весне вокруг дома молодые побеги крапивы на суп рвали. Да и какой это суп — название одно, мутно-зеленая жижа, забеленная молоком. Но все равно ведь в животе не пусто. А потом корни лопухов, щавель, ягоды за милую душу и взрослые, и дети уплетали. Год-то сорок седьмой, голодный, еще до уборочной страды не дотянул, потому хлебом без исключения все односельчане досыта наедались только в сновидениях. Но по крестьянской мудрости выживания на самый смоляной из всех черных дней в уголку дальнего сусека килограмм-другой зерна или муки притаивался. Жизнь-то на всякие неожиданности горазда.

Екатерине Николаевне пришлось ржаную муку до последней пылинки из небольшого рундука вымести. Перемешала ту муку с мелко нацинкованными молодыми побегами лебеды и испекла ковригу хлеба, которую без труда можно было пригоршней накрыть. И теперь она остывала на столе под рушником. Всю ее Коленьке в дорогу отдать? Она эту ковригу глазами и так и эдак бесконечное количество раз измерила, а решение задачки все равно у нее с ответом не сходилось. Двоих других сыновей и младшая дочка не раз от голода в обморок падали. Да и им с мужем, настолько исхудавшим за зиму, ветер пробует подножку подставить.

Ах, как же долго и заворожено она смотрела на хлеб! Даже не заметила, как сын глаза разлепил.

Коля с вечера тоже долго заснуть не мог. Его пугала неизвестность. Как его встретит Москва? Как он отыщет университет, в котором есть биолого-почвенный факультет? Сдаст ли вступительные экзамены? Но то, что он будет изучать почвы России, как Докучаев, другую мысль даже близко к голове не подпускал. Коля многое прочитал о Василии Васильевиче, о его трудах, о взаимодействии элементов "живой" и "мертвой" природы, о его научной экспедиции по просторам страны. И еще в восьмом классе загорелся идеей — обязательно составить почвенную карту полей вокруг родного села. Зачем? А чтобы было можно зерна много — премного вырастить и собрать, маму с папой, братьев и сестренку, конечно, и односельчан накормить досыта пшеничным хлебом с золотистой корочкой и духмяным запахом, от которого голова у всех закружится, и радость с лиц людей никаким ливнем смыть не удастся...

Но сон все же уложил его на лопатки.

А когда проснулся, то первым делом в голове мелькнула мысль, что надо быстрее встать и топать, насколько духу хватит, на железнодорожную станцию километров за семь, чтобы на поезд не опоздать. Но из-под теплого старенького одеяла, которое его так нежно обнимало, ему выползать не хотелось.

Увидел мать, которая хлопотала возле стола, что-то укладывала в чемоданчик, с которым отец с фронта возвратился. Не ускользнуло от взгляда сына, как она, отрезав не больше четверушки от ковриги, сунула ее вновь под рушник, а остальной хлеб замотала в тряпичку и тоже положила в чемодан. Затем, подставив левую ладошку к краю стола, правой ладошкой начала сгребать невидимые крошки хлеба со стола. А потом медленно-медленно поднесла левую ладошку к своему рту и что-то невидимое в него высыпала.

Потом подошла к русской печи, на которой спали дети.

— Коля, пора вставать,— тихо сказала мать, притронувшись теплой рукой к плечу старшего сына, чтобы не разбудить остальных детей, которые лежали с ним бок о бок.

Ему было стыдно, что он подсматривал за матерью, потому притворился спящим. Екатерина Николаевна повторила:

— Сынок, просыпайся,— ее шершавая от постоянной и трудной работы ладонь нежно гладила плечо Коли.

Он открыл глаза, полные тоски. Ему вдруг расхотелось ехать в университет. Коля же во всех делах был помощником отцу и матери, когда надо было управляться с делами на огороде или по дому.

«Как же они тут без меня будут жить? А как я без них? — вонзился в его сознание один вопрос острее и тревожнее другого.— У мамы под глазами черные круги, скоро будет, как тростинка поздней осенью... Мне в чемодан хлеб положила, а сама...».

— А может, мам, мне не ехать никуда?

Мать встрепенулась:

— Ты что выдумал?! Мы с отцом всю жизнь неучами прожили, ты хоть в люди выбейся. Школу-то с одними пятерками выдюжил. Что ж тебе с такой головой в деревне-то пропадать? Ишь, чего отчебучил. Не поедет он... Вот пойду отца покличу, он тебе мигом мозги проветрит...

— Мам, я без вас, без ребят скучать, знаешь, как буду? — сын обнял засуетившуюся мать.

Екатерина Николаевна, проглотив соленый ком, постаралась принять строгий вид.

— Ты нам тут нюни не распускай. Поезд, поди, ждать тебя не собирается. Иди лицо освежи, да одевайся. Я тебя уже в дорожку собрала,— и направилась к входной двери.— Пойду только со двора отца кликну. На дорожку вместе присядем. На счастье...

И мать скрылась за дверью.

Николай быстро открыл чемодан. Размотал тряпичу с куском хлеба. Над крышки стола отломил от краешки почти половину. Одну часть подсунул под рушник, а другую спешно вновь спеленал тряпичей и положил на прежнее место в чемодане. Прикрыв чемодан, подошел к столу. Как и мать несколько минут назад, подставил к краю стола левую ладонь, а правой ладонью смел несколько крошек, которые упали на стол при разломе хлеба. Их он осторожно отправил в рот, почувствовал запах вкусного-превкусного хлеба.

Только после этого, как ни в чем не бывало, подошел к ведру с водой и начал умываться...

3

Видимо, атмосфера на погосте располагала к тому, что еще один ручеек памяти прорвался из прошлого к Николаю Александровичу.

...Тот разговор с отцом состоялся в один из его приездов в родное село, после того, как он удивился, что в их селе уж очень много домов с крестом—накрест заколоченными досками окнами и дверьми. Пройдя по улице своего детства, кроме стариков, почти никого из своих сверстников, которые не уехали из села, как он после школы свою птицу счастья в неведомых краях отлавливать, а остались в колхозе землю пахать да скот выращивать, не встретил.

— Ты вот спрашиваешь, куда народ подевался? — спросил задумчиво отец.

— Странно ведь...

— Что ж тут странного? — лицо его было суровым и серым.— Многие наши с матерью ровесники трудовые горбы на кладбище выправляют. А те, что с весенними годками, с силенкой в руках, переселились, досками окна своих хат расшили,— отец вздохнул так, словно тяжеленную ношу нес и передохнуть решил.

— В город, что ли?

— Кое-кого и городская жизнь прельстила. А трудяги, что ж они там забыли? В чистом поле поселок им новый выстроили. Видишь ли, комплекс там какой-то животноводческий со всеми механизмами учудили.

— Что ж тут плохого, если люди к хорошей, благоустроенной жизни потянулись, вместо вил и лопат им теперь машины трудиться помогают?

Но отец, Александр Андреевич, с ответом не спешил. Спросил неожиданно:

— Ты курить-то не начал?

— Бог миловал, а почему тебя это волнует?

— Хотел вот на старости лет закурить. На фронте и то не привык. А теперь...

Сын забеспокоился: «Не заболел ли он? Задумчивый какой-то...».

— Что-то ты, бать, темнишь. Рассказывай...

Вновь тягостное молчание. Только глазами сына обмеряет. И тихо, словно жалея о чем-то, заговорил:

— Вы, дети мои, образование получили, и все реже вас, выходит, в родные просторы манит. А мои внуки вряд ли будут знать, что такое соха и сколько фунтов лиха надо на фунт хлеба затратить. Хорошо это или так себе — умом не доварю. Ты вот, сын крестьянский, в науку ударился. Только tolku-to что от твоих головоломок?

— Не понял?

— Что же тут понимать, Коль? Сколько себя помню, сынок, столько и надеюсь, что жить лучше буду. И такой я не один. Все! А жизнь незаметно фырт — пулей хвост показала. Моих соседей судьба из села метлой вымела. Для некоторых жирную точку на жизни крестом могильным поставила. И хоть ты меня убей, я до смысла жизни так и не могу докумекать. Может ты, теперь вон какой ученый, мне, старому дураку, который в свое время только читать и с горем пополам писать научился, объяснишь, в чем он — тот самый смысл-то жизни — заключается?

«Что отцу ответить?» — ничего вразумительного вот так сразу на ум сыну не приходило. Вспомнил высказывание какого-то американского, кажется, писателя:

— Мы бы, пап, никогда не умерли, если бы знали, как жить ...

— Потому и отстраняемся от родников жизни?

— Почему же?..

— А то ты не знаешь? Вот ты там в своей Москве мозги, считай, вывихнул. А что же это ты и твои друзья по институту от нужд села, как от проказы, в сторону шарахаешься? Почему на его разорение глаза зашторили?

— Вот тут ты, пап, не прав. Я занимаюсь гидрофизикой и мелиорацией почв, кандидатскую диссертацию по этой проблеме защитил...

— Я не знаю, что ты там защитил,— перебил его отец,— только корни наши крестьянские, видно, никто защищать не собирается. Мы немыслимую победу над фрицами добыли, считай, без войны двадцать пять лет, слава Богу, живем, а ни самих, ни детей накормить досыта, обуть, одеть по—человечески не получается, хотя редко спина от пота высыхает. Сомневаюсь, что в скором времени судьба оглобли в другую сторону развернет. Тогда ради чего, сынок, мы воевали, если в селе хлеб теперь выращивать некому? А ведь без хлебушка нашего мы бы немца не одолели. Вот те крест! А вы, ученые, кинулись за тридевять земель в степи целину какую-то там треможить. А чернозем, в который ветку tkni — дерево обязательно вырастет, на произвол судьбы бросили. А нас-то вот тут кто с колен из трясины жизни поднимет?

— Что ж ты, пап, одними загадками со мной разговариваешь?

— Какие же, милый, загадки? — складывалось у сына впечатление, что отец ему старается все наболевшее в его душе в один миг выплеснуть, больше-то некому. Неожиданно спросил: — Ты Ивана Чертана помнишь?

— Конечно, знаю. Он же метра под два ростом и плечи у него, что стена хорошая.

— Умер недавно.

— Как?

— Руки со свечкой на груди сложил, как скоро и нам с матерью перед приспичит. Мне-то не пришлось, а ему с учеными вроде тебя столкнуться довелось.

Отец замолчал, вроде бы память в своей голове перелистывал и нужную страницу искал. Собрался с духом.

— Так вот. Тогда страной еще Хрущев верховодил. Поля, как ты знаешь, у нас жирные, хоть на ломти землю режь и на хлеб мажь. А урожай — кот наплакал. То по весне заморозки посевы изранят, то летом засуха на корню колосья подпалит. В тот же год Бог на дожди расщедрился. И после посевов поля хорошенко окропил, и летом заставил небо не жадничать. Хлеба стеной стояли, в рост человека. Да! И вновь незадача! Считай, перед самой уборкой ливни с градом так посевы к земле прибили, что убрать хлебушек небывалый у комбайнов оказалась кишкя тонка.

Александр Андреевич удобнее уселся на лавочке. Морщинки на его лице вроде бы чуть оттюжились, в глазах лукавый блеск о себе знать дал.

— А в колхоз из самых высоких кабинетов одна депеша старается другую обогнать. Мол, хоть костьми ложитесь, а чтобы все до зернышка собрали, иначе... Сам понимаешь, народ еще от сталинских порядков память с себя не стряхнул. И вот тот самый Чертан возьми и на колхозном сходе брякни: «А что если нам дедовский метод от паутины освободить? Как насчет этого, мужики, мозгуете?»

А на сходке совсем еще безусый инструктор райкома партии присутствовал. Без них, глазастых и ушастых, ни одна страда тогда не обходилась.

«Какой такой метод?» — вопрос струной натянулся.

Иван пробасил:

«Наши деды хлеба крюками косили».

Мы, что постарше, тоже те крюки помнили, но давно их никто в руки не брал, да и вряд ли они в наших сарайах своего времени ждали.

«Какие такие крюки?» — инструктор уж очень любопытным оказался.

Чертан объяснил ему, заодно и мы о них вспомнили, что это те же косы, только со специальным приспособлением, в народе их крюком окрестили.

«А что? Следует попробовать», — загорелся представитель партийной власти.

И первым это сделал Иван. Получилось. Правда, как он весело зубоскалил:

«Ребро за ребро заходит у меня от этой непыльной работенки».

Но выхода-то другого тогда так и не нащупали. И что ты думаешь, Коль, про удалъ Чертана на всю округу по радио и в газетах протрубили. И каким-то путем слушок и до Хрущева, сказывают, доплыл, как бывало до нас, пацанов, моментально добирался душок подходившего хлеба в печи, и от того запаха во рту слюни клубились. Никита Сергеевич возьми и примчись с многочисленной свитой чиновников и твоих собратьев-ученых на Иванову косьбу полюбопытствовать.

Посмотрел-посмотрел важный гость, как Иван с полеглыми хлебами управляетя, и говорит:

«Молодец, богатырь! — и по-простецки так по плечу его похлопал, а потом неожиданно добавил: — Косишь ты — любо смотреть! Только вот в обратную сторону впустую размахиваешь, — и к ученым голову повернул, взглядом их обжег. — А вы подумайте без проволочек, как Ивану помочь вхолостую силы не расходовать».

Те думали, наверное, так, что курьерский поезд за их мыслями не угнался бы. Чуть ли не на следующий день привезли Чертану приспособление, да такое, что он влево хлебушек сбрасывает, ряд словно по ниточке укладывает, вправо — та же картина вырисовывается. Отрапортовали об этом Никите Сергеевичу. Тот тут как тут ве-реницей автомашин полевую дорогу в сплошную пыль превратил. Хрущев, сказыва-ют, остался доволен и учеными, а уж Иваном-то как. Но на то он и Хрущев, чтобы светлые идеи в его разуме никогда до дна не выкипали.

«А нельзя ли,— обратился к ученым,— придумать такое, чтобы Иван и влево ко-сил, и вправо, да еще как-то и сам рядки подбирал? Не вам же мне объяснять, что на селе рабочих мужских рук после войны позарез не хватает...»

А вам, ученым, видно, только подкинь идеяку, да еще от самого Никиты Серге-вича. И они ее чуть ли не на второй день разжевали, что тебе кашу манную. Обряди-ли Ивана специальным поясом, к которому пристегнули грабли наподобие конных. Наш Чертан косит так, что по обеим сторонам рядки не успеют золотом колосьев порадовать, он тут же их за собой подгребает. Загляденье!

Но вдруг увидел Чертан, что дорога густой пылью набухла, а по ней «Волга» словно по воздуху парит. Отбросил он в сторонку крюк, отстегнул с молниеносной быстротой пояс с граблями и, что было духу, бросился бежать от непрошеных гостей. Про таких в народе балакают, что они намного хуже татар.

У местных чиновников, сказывали, душа к пяткам змейкой юркнула. Явно не-простительный казус с их стороны чирьем вызрел: как это мог крестьянин самому Хрущеву спину показать? Он ведь, Никита Сергеевич-то, денно и нощно глаз не смыкает, о его, Иванове, и благе миллионов людей заботится. И такая выходит ему неблагодарность? Ох, не сносить областным руководителям головы, что не могли хозяину страны встречу с замечательным представителем нашего крестьянства на высшем уровне обстряпать.

Сказывают, на двух машинах еле смогли Ивана догнать. Доставили его запыхав-шегося. Рубаху на нем от пота хоть выжимай. Глаза на Хрущева не поднимает, будто вздумал ими и землю перепахивать, конечно, сразу же после косьбы.

На широком и мясистом лице Никиты Сергеевича улыбка расплылась, что тебе масло на раскаленной сковороде.

«Мы тебе, Иван Петрович, за твою ударную работу именные часы привезли. А ты от нас бежать надумал. Почему?»

Чертан не успел еще отдышаться. Но после слов Хрущева с облегчением чуть ли легкие на улицу не выдохнул. А на язык он всегда острее опасной бритвы был.

«Так я же, грешным делом, Никита Сергеевич, подумал, что ваши ученыe мне еще и на хрен стогометатель присобачить собираются...».

Вот такой, сынок, у нас случай приключился...

Николай Александрович все время, пока отец рассказ искусно сплетал, как умел сплетать для домашних нужд корзины из ивовых прутьев, улыбку спрятать так и не смог, как ни пытался.

— Ох, и мастер ты, батя, на анекдоты.

С лица отца улыбка почему-то быстро испарилась.

— Как хочешь, так и понимай. Но вот что я умом своим прикидываю. От такой власти, как хрущевская, и таких ученых, которые в рот своим начальникам чуть ли не до самого ливера заглядывают, проку, попомни меня, дурака старого, мало будет,— вздохнул глубоко и вроде бы обреченно.

— Ну, это ты, пап, зря так думаешь. По-твоему партия и правительство народу один вред чинят?

— Понимай, дорогой, как твоей голове угодно. Только просьба у меня к тебе вы-зрела,— спросил настороженно: — Ты же у нас надолго не задержишься?

— Да, денечка два, от силы три побуду.

— Так вот. Ты уж поднатужься, поторопись, сынок, сделай что-либо для нашего села, а то жизнь сметет нас, старииков, вот с этой земельки, как засохшие крошки хлеба со стола...

— Матвей, достань из багажника хлеб.

— Проголодался? Я и сам подумал, что перекусить пора перед обратной дорогой. Николай Александрович, думая о чем-то своем, попросил:

— Возьми только ржаной хлеб.

— Но я его не покупал.

— Я купил и в багажник положил.

— Пап, но у меня для обеда французская булка припасена.

— Потом, потом... Ты хлеб-то мой достань...

Сын, удивленный странным поведением и не менее странной просьбой отца, направился к машине. Вдогонку услышал:

— Я потихоньку пойду, а у тебя ноги молодые — догонишь...

Сын в замешательстве остановился, обернулся.

— Что ты еще надумал, пап?

— Хочу маму с папой проводать. Затем сюда и добирались...

От церкви до кладбища было не более ста метров. И пока преодолевал их, подумал о своей прожитой жизни, судьбе родителей. Отец до самой смерти, наверное, так и не понял, зачем он на эту землю приходил.

«А моей жизни смысл, кстати, в чем? Всего вроде бы я добился. Доктором наук стал. Не последнее мое слово в российской гидрофизике почв. Сын и дочь — ученые. Квартира чуть ли не в самом центре Москвы. И что? Почему от моих родовых корней только заброшенный погост остался? Жили без смысла?.. »

Перед тем как зайти на кладбище, у входных ворот трижды перекрестился, хотя верующим себя никогда не считал.

Но кладбище его удивило. Не такое уж оно оказалось запущенным. Многие ограды вокруг могилок выкрашены. Внутри оградные площадки очищены от сорной расстильности. Значит, родственники не забывают о тех, кто тут нашел вечный покой после самого трудного человеческого испытания на прочность — жизни.

Он боялся, что заблудится среди оградок, могил, крестов, которые появились на кладбище за те годы, в которые ни он, ни братья с сестрой по различным причинам не смогли приехать на поклон к родителям. Но еще большую тревогу в его душе вызывала мысль, что могилы отца и матери затерялись в сорняках, диких кустарниках.

Глазам своим не поверил, когда увидел последнее пристанище родителей в полном порядке. Он же не знал, что школьники райцентра взяли шефство над могилами фронтовиков, и каждый год ухаживали за ними. А его отец был кавалером двух солдатских орденов Славы, многих медалей, которые теперь хранятся в школьном музее боевой славы.

И еще была одна причина, почему школьники не дали осиротеть на несколько лет могилам его родителей. Николай Александрович был выпускником той школы, ее гордостью, ведь его имя ученого-почвоведа знали хорошо не только в России, но и в других странах.

— Простите меня, папа и мама, что я... — дальше он ничего сказать не смог, слезы самопроизвольно залили его лицо.

Николай Александрович опустился на скамеечку, которую тоже сделали школьники.

Подошедший сын заволновался:

— Тебе плохо, пап?

Отец только кивнул головой.

— Я минеральную воду принес, попей.

Николай Александрович дрожащим голосом спросил:

— Ты хлеб принес?

— Конечно, конечно,— засуетился Матвей Николаевич.

— Дай мне его...

Когда хлеб оказался в руках Николая Александровича, он начал крошить его на мелкие-мелкие кусочки и с какою-то осторожностью густо сыпать то на могилку отца, то на могилку матери. Неожиданно его сознание яркая вспышка осветила. Он еле слышно для сына произнес:

— А вообще-то, пап, до меня, кажется, только сейчас дошло, в чем смысл жизни заключается. Надо жить так, чтобы ничего под рушник прятать не приходилось и голод хоть как-то утолять крошками хлеба со стола, себя засохшими крошками в этой жизни не чувствовать. Как, спрашивается? Вы же никогда не сидели сложа руки, обязательно что-либо делали. Мне вот восемьдесят, а я, наверное, и половины не сделал того, что задумал, карту почв вокруг родного села так пока и не составил. А вдруг оно еще возродится?..

— Что, пап, ты сказал? — вновь забеспокоился сын: отец, как ему показалось, вроде бы заговариваться начал.

— Я, Матвей, сказал то, что в свое время отцу ответить не смог. А папа с мамой подсказали мне сейчас, чтобы я никогда на этом свете аппетит на хлеб и жизнь не терял,— помолчал и добавил: — Вот это и тебе завещаю. Ты меня понял?..

Матвей Николаевич, не перестающий удивляться поведению и словам отца, только вздернул плечами: «И что я понять должен? Да, отец, видно, плохи твои дела...».

А Николай Александрович оторвал взгляд от могилок и устремил его в бездонную голубизну неба, туда, откуда на него и сына, как он надеялся, смотрят родители. Может, это они посылают им солнечные лучи, подогретые их лаской и заботой?..